

Корней Чуковский

Ленинградским детям

Промчатся над вами
Года за годами,
И станете вы старичками.

Теперь белобрысые вы,
Молодые,
А будете лысые вы
И седые.

И даже у маленькой Татки
Когда-нибудь будут внучатки,
И Татка наденет большие очки
И будет вязать своим внукам перчатки,

И даже двухлетнему Пете
Будет когда-нибудь семьдесят лет,
И все дети, все дети на свете
Будут называть его: дед.

И до пояса будет тогда
Седая его борода.

Так вот, когда станете вы старичками
С такими большими очками,
И чтоб размять свои старые кости,
Пойдете куда-нибудь в гости, –
(Ну, скажем, возьмете внучонка Николку
И поведете на елку),
Или тогда же, — в две тысячи двадцать
четвертом году; –
На лавочку сядете в Летнем саду.
Или не в Летнем саду, а в каком-нибудь
маленьком скверике
В Новой Зеландии или в Америке,
— Всюду, куда б ни заехали вы, всюду,
езде, одинаково,
Жители Праги, Гааги, Парижа, Чикаго
и Кракова –
На вас молчаливо укажут
И тихо, почтительно скажут:
«Он был в Ленинграде... во время
осады...
В те годы... вы знаете... в годы
... блокады»

И снимут пред вами шляпы.

1944 г.